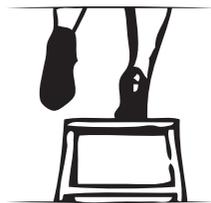

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

10 июня 2014

Герберт Рид

Парадокс анархизма

Герберт Рид
Парадокс анархизма
1941

Сохранено 11 июня 2014 года из <http://nihilist.li/2013/10/09/gerbert-rid-paradoks-anarhizma-1941/>

Высочайшая степень совершенства общества обнаруживается в единстве порядка и анархии.

Прудон

Было модно, в особенности среди ортодоксальных марксистов, с презрением относиться к любой политической теории, которая не оправдывает себя в действии, и это ударение на действии часто приводило к смешению средств и целей — средства слишком часто затмевали цели и подменяли их. Диктатура пролетариата, например, возникшая изначально как средство для достижения бесклассового общества, стабилизировалась в России как суверенитет нового класса.

Анархизм не путает средства и цели, теорию и практику. Как теория он полагается лишь на разум, и если концепция общества, которой он достигает таким образом, кажется утопической и даже химерической, это неважно, т.к. то, что достигнуто при помощи разума, не может быть принесено в жертву целесообразности. Наша практическая активность может быть постепенным приближением к идеалу, или это может быть внезапным революционным воплощением этого идеала, но это никогда не может быть компромиссом. Прудона часто обвиняли в том, что он, являясь анархистом в теории, был лишь реформистом на практике: он, на самом деле, всегда был анархистом, который отказывался согласиться с опасностью диктатуры. Он не стал бы играть в политические игры, т.к. знал, что фундаментальной реальностью является экономика. И сегодня кажется убедительным, что перемена в управлении финансовыми кредитами или новая система собственности на землю может привести нас ближе к анархизму, чем политическая

революция, которая бы просто передала власть государства в руки новых амбициозных гангстеров.

Анархизм буквально означает общество без *arkhos*, иначе говоря — без властителя. Это не означает общества без закона, а следовательно, это не означает общества без закона. Анархист соглашается с общественным договором, но он трактует его особенным образом, который кажется ему наиболее оправданным с точки зрения разума.

Общественный договор, как его объяснял Руссо, подразумевает, что каждый индивид в обществе отказывается от своей независимости в пользу общего блага из предположения, что таким образом может быть гарантирована его свобода. Свобода гарантируется законом, а закон, выражаясь словами Руссо, есть выражение общей воли.

Тут мы согласны не только с Руссо, но и со всей демократической традицией, которая была построена на теоретических предпосылках, данных Руссо. Где анархисты отходят от Руссо и от аспекта демократической традиции, нашедшей своё выражение в парламентском социализме, это в интерпретации способа, которым должна формулироваться и претворяться в жизнь общая воля

Сам Руссо не был последователен в этом вопросе. Он просто был уверен в том, что некая форма государства должна существовать как выражение общей воли, и что власть, данная государству посредством всеобщего согласия должна быть абсолютной. Он также был убеждён, что индивид должен сохранить свою свободу, и что от наслаждения индивидом своей свободой зависит весь прогресс и цивилизация. Он осознал, что как исторические факты государство и индивид всегда будут конфликтовать друг с другом, и для разрешения этой дилеммы он вернулся к своей теории образования. Если бы каждый

нигде его не может найти. Правящая часть под конец совершенно теряет из виду разнообразие граждан, ибо она принуждена, ради удобства, классифицировать их и иметь дело с людьми только как с представителями, так сказать, получать их из вторых рук, то есть смешивать людей с чисто рассудочной стряпней; и управляемый не может не принимать с холодностью законы, которые так мало приспособлены к нему самому. В конце концов положительное общество, пресыщенное тем, что ему приходится поддерживать связь, которую государство несколько ему не облегчает, распадается в природно-нравственное состояние (такова уже давно судьба большинства европейских государств), где властью является только одна партия ненавидимая и обманываемая теми, кто делает ее необходимою, и уважаемая лишь теми, кто может обойтись без неё». (Письма об эстетическом воспитании человека, VI, 1795)

В этих провидческих словах Шиллер указал на тот антагонизм между естественной свободой и механическими организациями, который был проигнорирован в политическом развитии современной Европы. Результаты мы можем наблюдать вокруг нас.

Анархизм есть последний и самый отчаянный протест против этой судьбы: напоминание о тех принципах, которые единственно смогут гарантировать гармонию человеческого существа и творческую эволюцию его гения.

гражданин мог быть воспитан в почитании красоты и гармонии законов, содержащихся в природе, он был бы неспособен установить тиранию или терпеть её. Общество, в котором он жил бы, автоматически было бы естественным обществом, обществом свободного соглашения, в котором закон и свобода являются ни чем иным, как двумя аспектами одной реальности. Но такая система образования подразумевает предшествующий авторитет, который бы её создал, и что этот авторитет должен быть абсолютным.

Система правления, рекомендованная Руссо в «Общественном договоре» – это скорее выборная аристократия, чем истинная демократия, и чтобы контролировать эту аристократию он воображает государство столь маленькое, что каждый индивид в нём мог бы наблюдать за правительством и критиковать его. Он, очевидно, подразумевал что-то вроде греческого государства-города в виде реальной единицы государственности. Он, конечно, не предвидел огромных комплексов из миллионов индивидов, которые составляют большинство современных государств, и мы можем быть уверены, что он был бы одним из первых, кто признал бы, что его система контроля правительства при таких условиях не сработала бы.

Но его теория государства, которая возымела такое серьёзное влияние на развитие современного социализма, была перенята как применимая к этим огромным конгломератам и становится оправданием для наиболее абсолютистского вида авторитаризма. Эта опасность была распознана ещё в 1815-м году Бенжаменом Констаном, который описал «Общественный договор» как «le plus terrible auxiliaire de tous les genres de despotisme».

Если то, что Руссо называет аристократической формой правления, более или менее идентично с современной демократи-

ей, то то, что он называет демократией, более-менее идентично с современной теорией анархизма, и интересно посмотреть, почему он отрицает демократию. Он делает это по двум причинам — во-первых, потому, что он считает её невозможной для воплощения. Люди не могут постоянно собираться вместе, чтобы управлять, должен быть делегированный авторитет как просто удобное средство, а если вы однажды избрали авторитет, у вас нет демократии.

Его вторая причина — это типичный пример его непоследовательности. Если бы существовал народ богов, как он говорит, они бы управляли сами собой по-демократически, но столь совершенное правление людям не подходит.

Но если демократия является совершенной формой правления, но не тому, кто провозгласил свою веру в способность людей к самосовершенствованию, ограничивать демократию божественным обществом. Что хорошо для богов, тем более хорошо для людей — как идеал. Если идеал существует, мы должны распознать его и стремиться приблизиться к нему, насколько это возможно.

Но главный вопрос во всей этой софистике Руссо игнорирует. Это нереальность понятия общей воли. Есть лишь одна тема, в которой люди всегда демонстрируют единодушие или общую волю: в защите своей физической свободы. В других случаях они расходятся в своих темпераментах, и поскольку оные ограничены числом, они существенно различаются и настолько противоположны, что в любой географической местности они создадут несовместимые друг с другом группы.

По этой самой причине, как утверждают Руссо и многие другие философы, демократия невозможна.

Они вынуждены прийти к этому выводу потому, что упрямо придерживаются произвольных рамок современного го-

и правления волей нации или Народом. Окончательным результатом теории народного суверенитета была подмена этики историей. Эта тенденция актуальна в современном мышлении всех стран. Но лишь в Германии она добилась полного триумфа. Отличительной чертой современной немецкой мысли служит растворение этики в «народном духе»; её практический вывод таков, что государство является источником всей морали, а индивид должен принимать законы и действия его государства, как если бы они были исполнены чрезвычайной этической ценности.

Я не стану повторять подробные доказательства, которые приводит мистер Коббен, являющийся профессиональным историком, в пользу своего тезиса, но правда достаточно очевидна. «Суверенитет, использует ли он демократическую, националистическую или социалистическую маскировку, или некую амальгаму из всех трёх, является политической религией сегодняшнего дня». Следовательно, если нам предстоит освободить Европу от угрозы миру, которую являет собой Германия, мы, прежде всего, должны опровергнуть немецкую концепцию суверенности. Пока эта концепция остаётся как национальная религия в действии, будет постоянное нарастание в использовании инструментов этой политики — вооружённой силы и произвольной агрессии.

Был великий немец, который уже тогда обеспокоился начинающимися тенденциями как непосредственной реакцией на Французскую революцию, который предупреждал соотечественников о чудовище, которое они создавали.

«Таким-то образом (пишет Шиллер) постепенно уничтожается отдельная конкретная жизнь ради того, чтобы абстракция целого могла поддержать свое скудное существование, и государство вечно остаётся чуждым своим гражданам, ибо чувство

ства. Но сообщество вовсе не должно быть чем-то столь же безличным и грандиозным как государство — на самом деле, его эффективность обратно пропорциональна его размерам. Самое эффективное сообщество — самое маленькое, и это семья. После семьи — это округ, ассоциация людей, живущих в одной местности. Такие ассоциации могут учреждать свои суды и эти суды отвечают за соблюдение общего закона, основанного на здравом смысле. Поместные суды в Средние века, к примеру, занимались всеми преступлениями и проступками, кроме тех, которые были направлены против искусственных учреждений государства и церкви.

В этом смысле анархизм предлагает универсальную децентрализацию авторитета и универсальное упрощение жизни. Такие бесчеловечные явления, как современный город, исчезнут. Но анархизм не обязательно предлагает вернуться к ремесленничеству и туалетам во дворе. Нет противоречия между анархизмом и электричеством, анархизмом и воздушным транспортом, анархизмом и разделением труда, анархизмом и промышленной эффективностью. Т.к. все группы будут трудиться ради взаимной выгоды, а не для выгоды посторонних или взаимного вреда, мерилom эффективности будет аппетит, полнота жизни.

Есть и ещё одна мысль, более важная и гнетущая. В опубликованной недавно выдающейся книге, «The Crisis of Civilization», Альфред Коббен показал, что несчастья, навалившиеся на Западный мир, являются прямыми последствиями того, что в Германии привилась идея народного или национального суверенитета, а не теория естественного права, развитая рациональным направлением мысли в 18-м столетии, известным как Просвещение. Немецкое мышление, пишет Коббен, подменило естественные права историческими, а разум как основу закона

сударства — рамок, установленных реками, морями, горами и военными соглашениями, но не разумом.

Предположим, мы могли бы игнорировать эти границы или отменить их. В конечном счёте, реальностями являются человеческие существа с определёнными желаниями, с определёнными примитивными нуждами. Эти человеческие существа, согласно их нуждам и симпатиям, спонтанно объединятся в группы ради взаимной помощи, добровольно организуют экономику, которая гарантирует удовлетворение их нужд. Это принцип взаимной помощи, и он был объяснён и оправдан при помощи огромного исторического и научного материала Кропоткиным. В этом принципе анархист видит основание общественного порядка и на основании которого, он считает, что может основать демократическую форму общества, которая была зарезервирована Руссо для богов.

Не нужно повторять тут эмпирическое доказательство этому убеждению: выдающуюся книгу Кропоткина можно приобрести за шестипенсовик в Penguin Series, и это труд, чья научность признана социологами всех школ. Трудность заключается не в том, чтобы оправдать психологический принцип и его эмпирическое доказательство, но чтобы применить этот принцип к существующему состоянию общества.

Мы делаем это экспериментально, когда мы берём добровольные организации, которые уже существуют, и смотрим, насколько они могли бы стать единицами демократического общества. Такими организациями являются профсоюзы, синдикаты, профессиональные объединения и ассоциации — все те организации, которые выкристаллизовываются вокруг человеческой деятельности. Затем мы рассматриваем функции, которые сегодня выполняются государством, и которые необходимы для нашего благоденствия и спрашиваем себя, в каком

размере эти функции могут быть переданы этим добровольным организациям. Мы приходим к выводу, что нет таких функций, которые не могли бы быть переданы таким образом. Конечно, верно, что такие функции как ведение войны или сбор налогов не являются выражением импульса взаимной помощи, но не нужно особенно углубляться в эти функции, чтобы понять, что они исчезнут естественным образом, когда будет упразднён центральный авторитет государства.

Ошибки всякого политического философа от Аристотеля до Руссо объясняются их использованием абстрактной концепции человека. Их системы предполагают сущностное однообразие этого воображаемого существа, и то, что они предлагают — есть лишь различные формы авторитета, чтобы установить однообразие среди людей.

Но анархист признаёт уникальность личности и допускает организации лишь в том масштабе, в котором личность стремится к симпатии и взаимопомощи среди своих товарищей. Следовательно, в реальности, анархист подменяет общественный договор функциональным договором, а авторитет контракта простирается лишь на выполнение определённой функции.

Политический унитарий или авторитарий рассматривает общество как тело, принуждённое к единообразию. Анархист рассматривает общество как баланс гармонии групп, и большинство из нас принадлежат к одной или нескольким таким группам. Единственная сложность заключается в их гармоничном взаимодействии.

Но так ли это сложно? Верно, что профсоюзы иногда враждуют друг с другом, но проанализируйте эти распри и вы увидите, что они либо происходят извне их функций (таких как различные концепции их функций в не-функциональном, т.е.

капиталистическом обществе) или из личного соперничества, которое является выражением борьбы за существование в капиталистическом мире. Такие разногласия в целях не имеют отношения к добровольным организациям и исключаются самой их концепцией. В целом, могут худо-бедно сотрудничать друг с другом даже в капиталистическом обществе, несмотря на все его подстрекательства к соперничеству и агрессии.

Если мы покинем наше время и отправимся, например, в Средневековье, то мы обнаружим, что функциональная организация общества, хотя и не воплощённая в совершенстве, доказала свою жизнеспособность, и её постепенное улучшение было лишь прекращено зарождающимся капитализмом. Другие эпохи и другие формы общества, как показал Кропоткин, отчётливо демонстрируют возможность гармоничных взаимоотношений между функциональными группами.

Предположим, что можно сказать, что мы можем перевести все экономические функции государства в это русло, то что с другими функциями — администрирование уголовного закона, отношения с другими странами, которые не находятся на той же ступени общественного развития и т.п.?

На этот вопрос у анархиста есть два ответа. Во-первых, он утверждает, что большинство этих нефункциональных действий вызваны нефункциональным состоянием — что преступления, например, по большей части, являются реакцией на институт частной собственности, и что международные отношения, по большей части, происходят и мотивируются экономическими причинами. Но согласимся, что такие вопросы как определённые аспекты законодательства, детского образования, общественной морали могут быть вне сферы функциональных организаций. Это, говорит анархист, дела здравого смысла, разрешаемые при помощи естественной доброй воли сообще-